

*Посвящается Энни Уильямс
Семь лет, и отсчет продолжается.
Спасибо тебе — самому чудесному
литагенту на свете!*

ПРОЛОГ

Хрупкое, эфемерное крылышко отделилось одним резким рывком.

Розовый кончик языка девчушки сосредоточенно просунулся в прореху, оставшуюся пару дней назад на месте двух выпавших передних зубов. Большой и указательный пальцы одной руки пригвоздили беспомощное насекомое к деревянному садовому столу, а пальцы другой нацелились и дальше расчленять дергающуюся бабочку. Капустную белянку, в обиходе капустницу. Банальную, простецкую — ничего особенного, по папиным словам.

Она не поняла, что такое «банальная», но смысл уловила.

Девочка аккуратно отложила в сторонку верхнее правое крылышко с двумя черными точками, похожими на пустые мертвые глаза, прежде чем оторвать от крошечного тельца нижнее правое. Потом сосредоточенно, не отрывая взгляда от бабочки, приподняла другую руку, намертво пригвоздившую насекомое к столу. Стала внимательно наблюдать, как его оставшиеся крылышки затрепетали — вначале яростно, а затем все медленней. Сдаваясь. По-любому эта бабочка прожила бы в лучшем случае всего пару недель — девочка знала это по школе. Так что не то чтобы она на самом деле ее убивала.

Скорее наоборот — она *делала* ее чем-то особенным.

Одно из оторванных крылышек подхватил легкий ветерок, понес через стол. Девчушка крепко прихлопнула его ладошкой, пока оно не упорхнуло прочь — облачко белой пыльцы осело у нее на пальцах. Она вздохнула. Ну вот, теперь это крылышко ни на что не годится... Придется поймать другую бабочку и начать все сначала.

Из кухонного окна за происходящим наблюдала мать девочки — и страх, замешанный на чувстве неизбежности, поселился где-то у нее в животе. Она знала этот тип поведения.

«Господи, прошу тебя — нет!»

Неужели история повторяется?

ГЛАВА 1

Дженни

Среда

Опустив голову, неотрывно смотрю на собственные руки с растопыренными пальцами — золотое кольцо на безымянном отсутствует. Сердце дико трепещет, пока пытаюсь припомнить, куда я могла его деть, подмечая при этом густую темную кайму под своими короткими ногтями — которые сейчас не округлые и ухоженные, как всегда, а грубые, все в заусенцах. Пальцы дрожат, когда я подношу их к глазам; мозг силится связать то, что я вижу, с попытками вспомнить, как же они стали такими. Какая-то правдоподобная причина набившейся под них грязи так в голову и не приходит.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

— У тебя там все в порядке, милая? Чего так застряла?

Это Марк. Ну естественно... А кто же еще? Перед моим мысленным взором по-прежнему проносится вереница образов — словно тараканы, спешащие скрыться из виду, но никак не могу ухватить ничего, что имело бы хоть какой-то смысл.

— Да, все нормально, — отзываюсь я, сосредоточившись на серой «под мрамор» плитке над раковиной, пока изрекаю эту откровенную ложь. Не осмеливаюсь сказать ему, что даже не помню, как встала с постели,

или что очнулась на холодном, выложенном плиткой кухонном полу вся закоченевшая, с ноющим телом, провалявшись там бог знает сколько времени, прежде чем прокрасться обратно наверх и в ванную, где в страхе и заперлась, жутко боясь... Чего боясь? Чего-то. Чего-то не знаю чего.

Давненько со мной не случилось таких вот провалов в памяти, как этот... Ночные кошмары — это да, но никаких эпизодов с лунатическими выходами из спальни или из дома, с тех самых пор, как... «О господи!» Делаю глубокий вдох и натужно сглатываю, пытаюсь затолкать обратно поднимающуюся было панику. Что-то затаилось в самой глубине головы — что-то плохое. Наверное, пока я просто не могу вспомнить, что именно, но не сомневаюсь, что оно еще поднимет свою уродливую голову. Всплывет на поверхность и явит мне себя так, что, несомненно, застигнет врасплох.

— Ты опоздаешь, Джен, — уже помягче произносит Марк, который наверняка чувствует: что-то стряслось. Либо так, либо он нашел мое брошенное обручальное кольцо и переживает, что это опять повторилось. Воспоминание о том, как я в прошлый раз сдернула кольцо с пальца и швырнула его в Марка, все еще свежо в моей памяти. Невольно съеживаюсь, припомнив поток брани и оскорблений, которые слетали тогда с моего языка. Это был далеко не самый лучший момент в моей жизни.

— Еще минутку! Не поторопишь там пока детишек вместо меня? — Стараюсь изо всех сил, чтобы мой голос звучал ровно, несмотря на захлестывающий меня страх. Куда девалось кольцо и почему у меня грязь под ногтями?

Оттираю их маленькой щеточкой, наверное, чуть ли не добрых десять минут, прежде чем покинуть убежище

ванной с грязной пижамой в руках. Поднимаю крышку бельевой корзины и заталкиваю пижаму поглубже под остальные шмотки. Не хочу, чтобы Марк ее увидел.

Что, черт возьми, я делала этой ночью?

ГЛАВА 2

Марк

Сфокусировать зрение удастся не сразу. Протягиваю руку на другую сторону кровати, но там пусто. Который час? Состояние заторможенное — наверняка из-за бутылки красного, которую я приговорил вчера вечером, — и трещит голова. Что ж, сделаем вид, что «мой организм не привык так мало спать» — отмазка, которой я люблю тешить себя, прекрасно сознавая при этом, что дело просто в похмелье. Бухать посреди недели — отнюдь не лучшая затея. Хотя всякий раз, решая подержать чью-то компанию, я вроде забываю об этом. «Это обязательно надо было отметить», — говорит голос в моей голове. Я и вправду люблю отмечать каждое свое достижение, каким бы чепуховым оно ни казалось, — и вчерашний вечер случился лишь потому, что я повстречал своего старого университетского друга, который сразу же вознамерился поднять мой айтишный бизнес на новые высоты. По крайней мере, в чем он меня неоднократно заверил. Хотя подробности того, каким именно образом он собирается мне в этом подействовать, на данный момент довольно туманны.

Медленно выпутываюсь из одеяла и, спотыкаясь, бреду в ванную комнату. Там льется вода — Джен, должно быть, собирается на работу. Падаю обратно на кровать и хватаю свой мобильник с прикроватного столика.

Прищуриваюсь на дисплей. Ни хрена себе — семь утра! Видать, не сработал будильник. Не то чтобы я человек привычки или что-то такое, но последние десять лет каждый божий день ставлю будильник ровно на шесть утра. И каждый раз, когда он срабатывает, я встаю. Даже если, как нынешним утром, вставать нет ни сил, ни желания. Так почему же сегодня...

Потому что будильник выключен.

Но ведь не сам же я его выключил?

Лежа и отвернув голову от света, проникающего сквозь занавески, пытаюсь вернуться обратно по собственным следам. Джен была уже в постели, когда этой ночью я ввалился в спальню, — залегла спать, не дожидаясь меня, пока я допивал последние капли вина, по второму разу пересматривая какой-то эпизод «Во все тяжкие»¹. Я поцеловал ее на ночь, положил телефон на столик и отрубился, едва только голова коснулась подушки. Даже не стал проверять, нет ли пропущенных вызовов, и явно не припомню, чтобы выключал будильник. Хмрюсь, опять чиркаю пальцем по экрану, чтобы убедиться, что завтра он все-таки сработает, и снова встаю. Джен уже торчит в ванной гораздо дольше обычного.

— У тебя там все в порядке, милая? — спрашиваю через дверь.

Она отвечает, что да. Говорю ей, что она рискует опоздать, гадая при этом, не отрубился ли и ее будильник. И тут, вздрогнув, сознаю, что тоже опаздываю. Джен просит меня проследить за Эллой и Элфи, и я подавляю вздох. Надо приготовить им завтрак и убедиться, что они собрали все необходимое для школы. Это последнее, что мне сей-

¹ «Во все тяжкие» (англ. Breaking Bad) — американский криминальный телесериал, впервые транслировавшийся с 2008 по 2013 г.

час требуется, вдобавок к тому, что проспал — мой день и без того катится в тартарары. И как раз в тот момент, когда я укоряю себя за негативный настрой и повторяю себе, что день будет таким, каким я его выстрою, вдруг обращаю внимание на что-то блестящее на пушистом кремовом коврике у изножья кровати. Дурнота подкатывает к горлу, когда я наклоняюсь подобрать крошечный предмет. Зажимаю его между большим и указательным пальцами и подношу к глазам; с моих крепко сжатых губ слышится стон. Это обручальное кольцо Джен.

Вот блин...

Если не считать того, что ей иногда приходится снимать его на работе, за все десять лет нашего брака оно соскальзывало с ее пальца всего только раз. И при этом разразился просто-таки ад крошечный. Вчера вечером она опять швырнула им в меня? Все-таки не настолько я был пьян, чтобы такого не запомнить... Всего-то с одной бутылки красного... Но что-то, однако, побудило Джен снять его. И вот теперь она прячется в ванной...

Смотрю на закрытую дверь, начиная уже откровенно бояться того, что меня ждет, когда она откроет ее. Но тут донесшиеся снизу вопли и визги напоминают мне, что надо ускорить наши обычные утренние дела. Выхожу из спальни и направляюсь на кухню, радуясь предлогу отложить выяснение причин, по которым Джен меня сегодня избегает.

ГЛАВА 3

Дженни

Когда я наконец спускаюсь в кухню, одевшись для работы, накрасившись и наклепив на лицо улыбку, у Марка все крутится и вертится, как хорошо смазан-

ный механизм. Элла и Элфи в школьной форме сидят за столом и уплетают уже по второй порции тостов с «Мармайтом»¹, наготове стоят стаканы с апельсиновым соком, и как только сок будет выпит, обоих можно будет погрузить в машину и отвезти в начальную школу — к счастью, расположена она прямо в нашей деревне под названием Колтон-Кум. Сегодня Марк в кои-то веки собирался взять на себя эту обязанность, оставив мне лишь задачу забрать их с продленки и привезти обратно — чтобы я могла пораньше приступить к работе в своей ветеринарной клинике, — но, пожалуй, учитывая время и тот факт, что он практически раздет, мне придется самой проделать и то, и другое.

В такие моменты жалею, что он не воспользовался простором нашего дома, чтобы устроить свой офис прямо здесь — это избавило бы его от лишних хлопот, а также уменьшило накладные расходы, — но Марк был непреклонен в том, что нужно трудиться подальше от дома, где можно отделить работу от семейной жизни. Так что на данный момент его рабочее место находится в Эксетере, минутах в сорока езды на машине. Один из плюсов моей клиники в том, что расположена она прямо на окраине нашей деревни, и добираюсь я туда за считанные минуты — никакой толчеи в час пик, никаких забитых транспортом развязок и дорожных пробок, — поэтому доставка детей в школу и обратно обычно на мне. Но поскольку нынешнее утро началось совсем не так, как планировалось, приступить к работе пораньше мне явно не светит.

Марк бросает на меня взгляд, когда я вхожу; его большие темные глаза полны тревоги.

¹ «Мармайт» — торговая марка бутербродных паст, производимых в Великобритании компанией Unilever.

— Доброе утро, — говорит он, ставя свою кружку обратно на стол. Никаких тебе «милая-любимая» в конце, как обычно. Проглатываю свое беспокойство и отвечаю на приветствие со всей жизнерадостностью, какую только могу изобразить, — быстро подхожу к нему, наклоняюсь и целую в губы. Плечи у него заметно опадают — напряжение отпускает их. Он явно ожидал другой реакции.

— Ну а вы двое сегодня просто молодцы! — Подхожу к Элле и Элфи, по очереди целую их в макушки, взъерошиваю им волосы.

— Ой, ну мама-а! — недовольно стонет Элфи, поспешно приглаживая свою темную копну. Элла лишь молча закатывает глаза и от комментариев воздерживается. Марк бросает взгляд на них, потом снова на меня. Физическое напряжение, может, его и отпустило, но атмосфера остается гнетущей, и я понимаю, что должна сама сделать первый шаг.

— Не пойму, что случилось с будильником, — наконец отваживаюсь я. — Прости, что застряла в ванной, — давай иди и тоже собирайся. Я сама отвезу детей в школу.

Подхожу к нему и обнимаю за голые плечи, опуская взгляд на его сексуальный смуглый торс. Его руки тянутся вверх, накрывая мои, и на миг мое беспокойство тает от их тепла. Но тут Марк резко допивает остатки кофе из кружки и встает. Он на фут выше меня, довольно поджарый, но с эффектными, четко очерченными мышцами на груди и предплечьях — поддерживает себя в отличной форме, регулярно посещая тренажерный зал и катаясь на велосипеде. Его физическая сила всегда была тем, что меня в нем восхищало. Одним из тех его качеств, что первым делом и привлекли меня, когда мы